

Редьярд Киплинг

Нарушитель судебного движения

*Часть сборника
Самая удивительная повесть в
мире (сборник)*

Редьярд Джозеф Киплинг

Нарушитель судебного движения

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6648603

Аннотация

«„Братья св. Троицы“ постановили, чтобы никто из посторонних не допускался на их маяки с наступлением темноты, но служащие держатся на этот счёт особого мнения. И если вы разговорчивы и интересуетесь их службой, они позволят вам сидеть вместе с ними в течение долгой ночи и помогать им направлять суда на фарватер...»

Содержание

Редьярд Киплинг

Нарушитель судового движения

* * *

«Братья св. Троицы»¹ постановили, чтобы никто из посторонних не допускался на их маяки с наступлением темноты, но служащие держатся на этот счёт особого мнения. И если вы разговорчивы и интересуетесь их службой, они позволят вам сидеть вместе с ними в течение долгой ночи и помогать им направлять суда на фарватер.

Маяк св. Цецилии под Утёсом считается одним из самых важных южнобережных маяков в Англии, потому что господствует над очень туманным берегом. Когда все море окутано туманом, св. Цецилия поворачивает к морю свою увенчанную капором голову и поёт песню из двух слов, повторяющуюся через минутные промежутки. Со стороны суши песня эта напоминает рёв разъярённого быка, но в море её понимают, и пароходы благодарно гудят в ответ.

Фенвик, который дежурил в эту ночь, дал мне пару чёрных очков, без которых ни один человек не может безна-

¹ Так называется морское бюро, которое управляет маяками известного района.

казанно выносить свет маяка, и занялся чисткой линз до наступления темноты. Перед нами расстиралось гладкое и многоцветное, как внутренняя сторона устричной раковины, пространство Британского канала. Маленький зондерландский грузовой бот сигнализировал агентству Ллойда, которое находится на берегу, в полумиле от маяка, и медленно направился к западу, оставляя за собой белый пенистый след. Над утёсами загорелась звезда, вода изменила свой цвет и сделалась свинцовой, а маяк св. Цецилии выбросил на воду восемь длинных световых полос, которые медленно передвинулись справа налево и слились в один широкий столб яркого света прямо перед башней; столб этот снова разделился на восемь полос, и затем свет исчез за поворотом.

Фонарь маяка бесчисленными гранями стёкол вращался на своих катках, а машина с сжатым воздухом, приводившая его в движение, жужжала, как синяя муха на стекле. Стрелка индикатора на стене передвигалась от цифры к цифре. Восемь передвижений отмечали полуоборот фонаря: ни больше, ни меньше.

Фенвик внимательно проследил несколько первых оборотов; он слегка приоткрыл питательную трубку машины, взглянул на регулятор скорости и снова на индикатор и вымолвил:

– Несколько часов она ещё проработает. Мы только что послали нашу машину в Лондон, а эта, запасная, далеко не такая точная.

– А что случилось бы, если бы израсходовался весь сжатый воздух? – спросил я.

– Нам пришлось бы вертеть машину самим, наблюдая в то же время за индикатором. Для этого есть особая рукоятка. Но этого ещё ни разу не случилось. Сегодня ночью нам понадобится весь запас сжатого воздуха.

– Почему? – спросил я. Я ждал ответа не более минуты.

– Взгляните сюда, – пригласил он, и я увидел, что из безжизненного морского пространства поднялся мёртвый туман и окутал нас в то время, как я стоял спиной к морю. Полосы света, падавшие из окон маяка, с трудом пробивали густые клубы белой мглы. С балконов, окружавших фонарь, видно было, как белые стены маячного здания погружались в волнующееся и словно дымящееся пространство. Шум прилива, медленно поднимавшегося к скалам, заглушался до глухого шипенья.

– Вот так-то и подползают обычно наши туманы, – сказал Фенвик тоном хозяина. – А теперь послушайте этого дурачка, который завывает, «прежде чем он ушибся».

В тумане послышалось что-то вроде мычания рассерженного телёнка; оно могло быть на расстоянии полумили или полсотни миль от нас.

– Уж не думает ли он, что мы легли спать? – продолжал Фенвик. – Вы сейчас услышите, как мы будем разговаривать с ним. Он очень хорошо знает, где находится, но он не унижается и кричит только для того, чтобы мы ему ответили,

как будто он уже сидит на мели.

– Кто это «он»?

– Ну разумеется, вон тот зондерландский бот. Ага!..

Я услышал шипение паровой машины внизу в тумане, где постукивали динамо-генераторы маячного света, но вот раздался рёв, который разорвал туман и потряс здание маяка.

– Гит-туут²! – редела сирена св. Цецилии. Мычание прекратилось.

– Дурачок! – повторил Фенвик. Затем, прислушиваясь: – Ещё наше счастье, если поблизости нет другого такого. Да, да, они постоянно говорят, что туман сталкивает суда в море. Они будут орать всю ночь, а сирены будут отвечать им. Мы поджидаем в канале несколько кораблей, гружённых чаем. Если вы положите свой сюртук на стул, вам будет гораздо удобнее, сэр.

Не очень-то приятная вещь – отдать себя на всю ночь в собеседники одному человеку. Я взглянул на Фенвика, а Фенвик бросил взгляд на меня; каждый из нас старался определить способность другого наводить скуку или прогонять её. Фенвик был старый, чисто выбритый седой человек, который в течение тридцати лет плавал в море, а на суше старался выведать у меня то небольшое, что я знал по его специальности, подлаживаясь под уровень моего понимания до тех пор, пока не оказалось, что я встречался с капитаном того судна, где служил сын Фенвика, а также, что я видел неко-

² Искажённое «Get out», что значит «Уходите прочь».

торые места, где бывал и Фенвик. Он начал с диссертации о лоцманском искусстве на Хугли. Я был посвящён в тайны лоцманского дела на Хугли. Фенвик же только видел членов этой почтённой искусной корпорации на палубе корабля, и все его отношения с ними ограничивались возгласами: «Четыре три четверти» и замечаниями чисто делового характера. После этого он перестал снисходить до моего уровня и засыпал меня такими удивительными техническими выражениями, что мне то и дело приходилось просить у него объяснения. Это было ему чрезвычайно приятно, и мы разговаривали, как люди, стоящие на одинаковой высоте понимания и слишком заинтересованные данным предметом, чтобы думать о чем-либо ином. А предметом разговора были кораблекрушения, морские путешествия, торговые сношения в доброе, старое время, разбившиеся и брошенные на произвол судьбы суда, пароходы, которые мы оба знали, их достоинства и недостатки, способы погрузки, Ллойд и больше всего – маяки; беседа то и дело возвращалась к маякам: маяки – в канале, маячки – на забытых островах и люди, забытые на них, плавучие маяки – два месяца службы и месяц отдыха, маяки, которые покачиваются на всегда беспокойном течении, удерживаемые на одном месте якорями, и, наконец, маяки, которые люди видели там, где на карте не было отмечено ни одного маяка.

Не вдаваясь в пересказ всех этих историй и тех удивительных путей, которыми он переходил от одной из них к дру-

гой, я передам здесь с его слов одну из них, поразительную не менее других. Она была рассказана мне отрывками под шум катков вращающейся рамы с линзами, сопровождаемый рёвом сирены внизу, ответными гудками с моря и резким криком безрассудно смелых ночных птиц, которые налетали на стекла фонаря. В ней говорится о человеке по имени Доузе, когда-то близком друге Фенвика, а теперь – лодочнике в Портсмуте, который уверовал в то, что на душе его лежит кровавое преступление, и не мог найти себе покоя ни в Портсмуте, ни в Госпорт Харде.

– Если кто-нибудь пришёл бы к вам и сказал: «Я знаю явские течения», – не верьте ему, потому что ни один смертный не знает до сих пор этих течений. Они проходят то здесь, то там, но никогда не делают менее пяти узлов в час между островами Восточного архипелага. Есть и течения в заливе Бони – на север от острова Целебеса, которые ни один человек не может объяснить; и среди всех этих явских проходов, начиная от проливов Балийского, Голландского и Омбейского, который я считаю самым безопасным, они сталкиваются, изменяют направление и бросают громадные валы то на один берег, то на другой, пока ваше судно не расколется пополам. Я проходил через Балийский пролив кормою вперёд во время сильного юго-восточного муссона, который дул наперерез северному течению, и наш шкипер сказал, что он никогда больше не пойдёт в это место даже ради Ямрах³.

³ **Ямрах** – поставщик животных для зверинцев.

Вы слышали о Ямрахе, сэр?

– Да, слышал. И этот Доузе служил на маяке в проливе Бали? – сказал я.

– Нет, он был не в Бали, а гораздо восточнее проходов, во Флоресовом проливе, на восточной оконечности Флореса. Это как раз на пути к югу, в Австралию, когда пройдёшь Восточный архипелаг. Иногда, если у вас имеется хорошая паровая машина, вы идёте через Балийский пролив, а иногда через Флоресов пролив так, чтобы сразу же взять к югу и обойти Тимор, минуя Сахульскую банку. В противном же случае, если у вас нет сильной машины, для вас прямой расчёт пойти кругом через Омбейский пролив, держась все время северного берега. Вы понимаете меня, сэр?

Так как у меня не было сильной машины, то я счёл более удобным держаться северной стороны – Берега Безмолвия.

И во Флоресовом проливе, как раз посередине между Адонарским островом и материком, есть маяк на сваях, под названием Вурли, куда и поступил на службу Доузе. Расстояние между берегами Флоресова пролива у входа в него не превышает мили. Но затем он расширяется до десяти или двенадцати миль, образуя Солерский пролив, и снова сужается до трех миль вблизи пылающего вулкана. Это – старый Лоби-Тоби у пролива того же названия, и если вы будете придерживаться на линии огня этого вулкана и маяка урли, то вы можете быть спокойны даже в самую тёмную ночь. Это говорил мне Доузе, а я охотно верю ему, потому что сам хо-

рошо знаю эти места. Но вы должны постоянно помнить о течениях. Так вот, Доузе послали сюда, потому что это был единственный человек, который согласился жить на Вурли и поддерживать огонь маяка, на службе у голландского правительства, владеющего проливом. Оно охотно берет голландцев и итальянцев, потому что про англичан говорят, что они слишком много пьют в одиночестве. Я никогда не мог хорошенько понять, что заставило Доузе поступить на это место, но он это сделал и стал наблюдать за тиграми, выходявшими из лесов и охотившимися на крабов в часы отлива. В этих местах вода всегда тёплая, я это хорошо знаю, и как-то особенно скверно пахнущая, а во время приливов она делается густой и маслянистой, как помои в корыте для свиней. На маяке был вместе с Доузе ещё один человек, но это был необыкновенный человек. Вся его кожа была покрыта какими-то пятнами и трещинками от того, что он обычно проводил столько времени в солёной воде, сколько было возможно. Да и руки у него были перепончатые, как у ластоногих животных. Я теперь вспоминаю, как Доузе говорил мне, что за его привычки его прозвали Оранг-Лордом. Вы слышали об Оранг-Лорде, сэр?

– Оранг-лот? – переспросил я.

– Да, да, именно так, – сказал Фенвик, хлопнув себя по колену. – Конечно, Оранг-лот, а звали его Чаллонг; был он чем-то вроде морского цыгана. Доузе говорил мне, что этот длинноволосый человек плавал вверх и вниз по каналам про-

сто для того, чтобы что-нибудь делать; спускался с одним приливом и возвращался с другим, лёжа на боку, а приливы чрезвычайно сильны. Иногда во время отлива он гонялся по набережной за тиграми, он и сам больше походил на зверя; или же садился в маленькую лодку, молясь старому Лоби-Тоби по вечерам, когда вулкан был весь пронизан красным светом на южном конце пролива. Доузе говорил мне, что этот человек не годился для компании, какую, например, вы или я могли составить Доузе.

Теперь я уже не могу никак припомнить, почему все это стало тревожить Доузе после того, как он прослужил там год или около того. Он откладывал все своё жалованье и дорожил службой на маяке; время от времени он развлекался борьбой с Чаллонгом, которого он сбрасывал с маяка в море. Потом, как он рассказывал мне, он стал ощущать в голове какие-то полосы после того, как долго наблюдал прилив; он объяснял, что в голове его как будто тянулись длинные белые полоски, похожие на складки на плохо приклеенных обоях, так он говорил. Эти полосы появлялись во время приливов и шли по направлению к северу и к югу, соответственно течениям, и он ложился на помост – это был ведь маяк на сваях – и наблюдал сквозь щель, как вода плескалась между сваями так же спокойно, как помой в корыте. Он говорил, что единственным его отдохновением было время между приливом и отливом. Потом полосы в его голове начинали кружиться,

подобно сампану⁴ в водовороте океана. Но это, как небо и земля по сравнению с другими полосами, которые имели вид стрелок на картах ветров, только гораздо более правильных, и в этом-то и заключалась все их мучительное свойство. Он не мог уж больше отвести глаз от приливов, которые с такой силой поднимались вверх, чтобы снова отхлынуть, но даже и тогда, когда он смотрел на высокие холмы, возвышавшиеся вдоль всего Флоресова пролива, чтобы дать себе отдых, глаза его сами собой опускались к полосатой воде, и как только останавливались на ней, так и не могли уже оторваться, пока не кончался прилив. Он сам все это рассказывал мне с таким тоном, как будто говорил о ком-то постороннем.

– Где вы с ним встретились? – спросил я.

– В Портсмутской гавани: он чистил медные части казённого бота, но я знавал его и в других местах, так как я много лет служил на различных морских судах. Да, он рассказывал о себе много любопытного и все таким тоном, как будто сам он лежал мёртвый в соседней комнате. Эти полосы разрушали его мозг, говорил он, и он решил про себя, что, как только к маяку подойдёт голландская канонерка, которая обслуживает маяки в тех местах, он сейчас же попросит взять его прочь отсюда. Но когда она приходила, что-то застревало у него в горле, и он был так заинтересован наблюдением за её мачтами, потому что они шли в противоположном направлении с его полосами, что не мог выговорить ни одного слова,

⁴ Большая китайская лодка, которая может служить и жилищем.

пока она не удалялась в море. Тогда, говорил он, он плакал целыми часами; а Чаллонг плавал себе вокруг маяка, посмеиваясь над ним и расплёскивая воду своими перепончатыми лапами. Под конец он вбил себе в свою бедную голову, что корабли и особенно пароходы, проходившие мимо, а их было немного, производила эти полосы в его голове, а приливы и отливы были тут ни при чем. Он имел обыкновение, говорил он мне, встречать бранью всякое судно, проходившее мимо маяка, – была ли это джонка, или бриг, или пароход, огибавший Флоресов мыс и осторожно входивший в устье канала. Иногда проходило судно из Австралии, шедшее к северу мимо старого Лоби-Тоби и старавшееся попасть на попутное течение, но никогда оно не выбрасывало никаких газет, чтобы Чаллонг мог подхватить их и дать прочесть Доузе. В общем, пароходы проходили западнее, но некоторые из них появлялись около Тимора и западного берега Австралии. Доузе обычно кричал им, чтобы они шли кругом через Омбейский пролив и не проводили полос на воде перед ним, но, по-видимому, они не слышали его. Через месяц он говорит сам себе: «Я попробую ещё раз, – говорит он. – Если следующий бот не обратит внимания на мои справедливые требования, он помнит, что именно с такими словами он обратился к Чаллонгу, я загорожу фарватер». Следующее судно было грузовым, оставлявшим за собой след в две полосы и очень заботливо направлявшим свой путь к северу. Он прошёл под старым Лоби-Тоби в южном конце пролива и про-

двинулся дальше к северу на семнадцатисаженной глубине, борясь с встречным приливом. Доузе взял на себя труд выехать вместе с Чаллонгом в маленькой лодочке, имевшейся при маяке, сделанной из бамбука и сильно протекавшей, и ждал на фарватере, помахивая пальмовой веткой и, как он говорил мне, удивляясь сам себе, чего ради он строил из себя дурака. Подходит к нему грузовое судно, и Доузе кричит: «Вы не должны больше идти этим путём и наполнять мою голову полосами. Ступайте кругом через Омбей и оставьте меня в покое». Кто-то выглянул с парохода и бросил в него банан, только и всего. Доузе сидит на дне лодки и плачет так, что сердце разрывается. Затем он говорит: «Чаллонг, чего же это я плачу?» – и они возвращаются на Вурли.

– Чаллонг, – говорит он, – здесь слишком большое движение судов, и потому вода такая полосатая. Это все делают джонки, бриги и пароходы, – говорит он, и в то время, как он это говорит, он думает: «Господи, Господи, что я за идиот!»

Чаллонг ничего на это не сказал, потому что мог выговорить по-английски только одно слово «damn»⁵, и он говорил это тогда, когда мы с вами сказали бы «да». Доузе лежал на помосте маяка и смотрел в щель, как между сваями струилась грязная вода, и никогда не говорил ни слова, пока течение не прекращалось, потому что все его внимание было приковано к полосам, и он терял способность говорить. Когда наступило затишье, он сказал: «Чаллонг, мы

⁵ Черт возьми.

должны отметить на фарватере места кораблекрушений», – и он несколько раз поднял руки кверху, показывая этим, что на фарватере произошли дюжины кораблекрушений, а Чаллонг сказал: «damn».

В тот же самый вечер они с Чаллонгом отправились в Вурли, деревню около леса, по имени которой назван маяк, и купили там бамбук, целые связки бамбука и ещё кокосовых верёвок, толстых и тонких, всех сортов, и тут они принялись за работу, строя из бамбука четырехугольные поплавки. Доузе говорил, что он делал эту работу дольше, чем было нужно, потому что ему нравились полавки четырехугольной формы, около двенадцати квадратных футов каждый, похожие на маленькие плоты. После этого он водрузил в центре каждого плота двенадцатифутовый бамбуковый шест или целую связку тростника, а на верху этого шеста он прикрепил тоже связанную из тростника огромную шестифутовую букву W и покрасил букву белой краской, а тростник – темно-зеленой. Вдвоём они сделали целую дюжину таких предостерегающих поплавков, но над этой забавой они трудились больше двух месяцев. Движение судов было не особенно большое в это время, что можно было приписать встречному муссону, но и тем немногим судам, которые проходили, Доузе посылал проклятия, и полосы в его голове тянулись по-прежнему в часы прилива и отлива.

День за днём, как только был готов очередной поплавок, Чаллонг брал его в лодку вместе с привязанным к нему боль-

шим камнем, который едва не опрокидывал лодку, и бросал его на воду, выехав на фарватер. Он делал это днём и ночью, и Доузе мог видеть в светлую ночь, во время полного прилива, как он суетился около плотов, и капли сверкающей воды сыпались с него. Наконец, все двенадцать были водворены по местам, на семнадцатисаженной глубине, но не по прямой линии, так как здесь была хорошо известная мель, а попарно: один впереди, другой сзади, большей частью посередине прохода. Вы должны придерживаться середины явских течений, потому что эти течения у берегов изменяют направление, а в узком проходе, прежде чем вы справитесь с рулём, ваше судно свернёт в сторону и ударится о скалы или о прибрежные деревья. Доузе знал это так же хорошо, как всякий шкипер. Также он знал и то, что ни один шкипер не решится пройти там, где обозначено бакеном место погибших судов. Он говорил мне, что он лежал обычно вдали от маяка и наблюдал, как его поплавки погружались в воду и весело ныряли, играя с приливом, и это их движение было приятно ему, так как оно было совсем не похоже на мелькание полос в его голове.

Через три недели после того, как они закончили свою работу, в проливе Лоби-Тоби показался пароход, очевидно рассчитывавший войти во Флоресово море ещё до рассвета. Он видел, как пароход сначала замедлил ход, потом дал задний ход. Потом появился на мостике сначала один человек, потом другой, и Доузе заметил, что там оживлённо о чём-то

совещались, а в это время прилив гнал судно прямо на его бакены. После этого пароход повернул и ушёл к югу, и Доузе чуть не задохнулся от смеха. Но через несколько недель после этого с севера пришли две джонки, они шли рядом, как идут обыкновенно джонки. Надо употребить много труда, чтобы китаец понял опасность. Джонки попали в самое течение и пошли вниз по фарватеру как раз между бакенами, делая по десяти узлов в час, трубя все время в горны и ударяя в барабаны, в кастрюльки. Это очень рассердило Доузе; ведь ему стоило так много труда заградить проход. Ни одно судно не проходит ночью Флоресов пролив, но Доузе подумал, что если джонки прошли его днём, то Господь ведаёт, не нарвётся ли какой-нибудь пароход ночью на его бакены, и он послал Чаллонга протянуть кокосовую верёвку между тремя бакенами на самой середине фарватера, а к этой верёвке прикрепить простые кокосовые фитильки, пропитанные маслом. В этих водах только приливы и отливы производят движение, а воздух мертвенно неподвижен до тех пор, пока не начинают дуть муссоны, а тогда уж они могут сдуть волосы с вашей головы. Чаллонг прикреплял эти фитильки каждую ночь после того, как джонки проявили такую дерзость, четыре фитилька на расстоянии около четверти мили были вставлены в жестяные ночники и подвешены к верёвке; и когда они зажигались, – а кокос горит так же хорошо, как ламповый фитиль, – фарватер являл собой совершенно исключительное зрелище. Прежде всего бросался в глаза маяк

Вурли, затем эти четыре странных огня, которые не могли быть плавучими огнями, потому что они были почти на одном уровне с водой, а за ними, на расстоянии двадцати миль, ярче всех горела красная вершина старого вулкана Лоби-Тоби. Доузе говорил мне, что он обычно выезжал в лодке в море и любовался своей работой, но его все же смущало, что никогда ещё здесь не было столько огней.

Время от времени пароходы подходили, сопя и фыркающая на бакены, но никогда не решаясь пройти среди них, и Доузе сказал самому себе: «Слава тебе, Господи, я наконец добился того, чтобы они не покрывали полосами мою воду. Омбейский проход вполне хорош для них и им подобных». Но он не мог вспомнить, когда и каким образом весть об этих новых бакенах распространилась среди служащих на судах. Каждый пароход, который натыкался на эти бакены, передавал эту новость на другой пароход, и все служащие в портах, имевшие отношение к этим морям, были уведомлены, что во Флоресовом проливе что-то случилось, потому что не обозначенный ещё пока на карте фарватер был заграждён бакенами, говорили они, и не было возможности пройти между ними. Ну а голландцы, разумеется, ничего не знали об этом. Они думали, что это наше адмиралтейское наблюдательное судно побывало там, и решили, что это немного странно, но по-соседски допустимо. Вы понимаете, ведь мы, англичане, всегда отмечаем опасные места и освещаем морские пути по всему свету, не спрашивая, согласны вы или нет, и считая,

что море касается нас гораздо ближе, чем что-либо другое. Новость эта распространилась от Флореса до Бали и от Бали до Проболинго, где проходит железная дорога на Батавию. Во всех явских морях стало известно каждому моряку, что надо остерегаться Флоресова пролива, и Доузе был оставлен в покое, если не считать некоторых пароходов и маленьких парусных судов, которые ещё не успели узнать эту новость. Они подходили к проливу и смотрели на дальнейший путь, как бык через загородку, но ныряющие поплавки отгоняли их прочь. Случилось так, что адмиралтейское наблюдательное судно оказалось на Макассарском рейде близ Роттердамского форта рядом с «Амбоиной», грязной маленький голландской канонеркой, которая обыкновенно производила там чистку; и вот голландский капитан говорит нашему капитану:

– Что там приключилось во Флоресовом проливе? – спрашивает он.

– Черт меня возьми, если я знаю, – говорит наш капитан, который только что пришёл с Анжеликской мели.

– Но зачем же вы там поставили бакены? – спрашивает голландец.

– Черт меня возьми, если я их поставил! – отвечает наш капитан. – Это уж ваша работа.

– Но там, рассказывали мне, весь фарватер ограждён бакенами, – говорит голландский капитан, – их там целая флотилия.

– Собачья жизнь на море, что бы там ни говорили! – отвечает наш капитан. – Я должен посмотреть сам, что там делается. А вы идите вслед за мной, как только будете в состоянии выйти.

Он вышел в ту же ночь, обогнул Целебес и через три дня плавания подошёл к Флоресову мысу; здесь он встретил колёсный пароход, совершающий обычно регулярные рейсы, который был очень рассержен тем, что приходилось идти задним ходом из пролива; и капитан этого парохода выместил своё раздражение на нашем наблюдательном судне за то, что оно не обозначило на карте место кораблекрушения в таком узком проходе и заставило его даром истратить уголь.

– Да ведь это вовсе не моя вина, – говорит наш капитан.

– Мне нет дела до того, чья это вина, – говорит капитан коммерческого парохода, который поднялся на судно для переговоров, как раз в сумерки. – Фарватер достаточно густо утыкан бакенами, чтобы найти какую-нибудь лазейку для прохода. Я видел, что эти толстые, безобразные мачты торчат около самого носа моего парохода. Господь ещё спас нас! – говорит он, содрогаясь. – Это место напоминает мне Реджентскую улицу в жаркую летнюю ночь.

И так оно и было на самом деле. Оба они взглянули в направлении Флоресова пролива и увидели огни, расположенные поперёк фарватера. Доузе, который видел приближение судов до наступления темноты, сказал Чаллонгу:

– Мы заставим их хорошенько запомнить это место. Со-

бери все котелки и железные кастрюльки, какие только найдёшь, прикрепи к ним фитили и подвесь к верёвке в промежутках между теми четырьмя. Мы должны научить их ходить вокруг, через Омбейский пролив, потому что иначе они опять исполосуют нам всю воду!

Чаллонг собрал все, какие нашлись на маяке, котелки и кастрюльки, нагрузил ими свою маленькую дырявую лодку, взял кокосовые фитили, пропитанные маслом, и принялся подвешивать фонарики: к четырём прежним прибавилось ещё с полдюжины новых, тоже прикрепленных к верёвке, которая висела низко над водой. Потом он подплыл к остальным бакенам со всеми оставшимися у него фитильками и подвесил фонарики к каждому шесту, где только мог достать, всего на семи шестах. Итак, вы видите, что если посчитать, то в эту ночь горели: огонь на маяке, четыре фонаря на верёвке между тремя центральными бакенами поперёк фарватера, как обычно, и ещё шесть или восемь новых на той же верёвке, да ещё семь танцующих фонариков на семи бакенах – всего наберётся восемнадцать или двадцать огней на протяжении одной мили на семнадцатисаженной глубине, где прилив никогда не оставил бы в покое ни одно разбившееся судно в течение трех недель, а теперь, как показывали фонарики, здесь успели произойти десять или двенадцать кораблекрушений.

Капитан адмиралтейского судна видел, как постепенно загорались один за другим огни на фарватере, видел это и ка-

питан коммерческого парохода, стоявший на палубе рядом с ним.

Капитан сказал:

– Здесь была, наверное, какая-нибудь международная катастрофа или что-нибудь в этом роде? – Тут он присвистнул. – Я буду стоять здесь всю ночь, пока не придёт голландец, – сказал он.

– А я двигаюсь дальше, – говорит шкипер коммерческого судна, – мои хозяева вряд ли были бы довольны, если бы я остался любоваться иллюминацией. Этот пролив загромождён обломками судов, и я бы не удивился, если бы оказалось, что тайфун загнал сюда с полдюжины китайских джонок. – С этими словами он удалился, но адмиралтейское наблюдательное судно продержалось всю ночь около Флоресова маяка, пока не потухли огни, и тут капитан был ещё более удивлён, чем тогда, когда они горели.

Незадолго до рассвета торопливо подошла канонерка, и оба судна стали рядом, наблюдая, как понемногу потухали огни, пока не осталось ничего, кроме зелёных и влажных берегов пролива, покачивающихся на воде бакенов и маяка Вурли.

Доузе очень спокойно спал эту ночь, и на некоторое время освободился от своих полос в голове при мысли о сердитых пароходах у входа в канал. Чаллонг был чем-то занят и вернулся на берег только поздно вечером. Ранним утром, ещё перед рассветом, Доузе выглянул в море и увидел, что ко-

рабли всех стран идут по направлению к Флоресову проливу, освещённые светом луны, представляя собой удивительное зрелище. Вот как он рассказывал мне всегда эту историю.

– И затем, – говорил он, – он услышал выстрел из пушки, сопровождавшийся страшным взрывом, и все эти огромные плоты разлетелись в щепки, осталось только два судна, и от одного из них отделилась шлюпка на вёслах, которые ложились поперёк, а не в длину, как полосы прилива или отлива, и подошла к маяку.

– Что тут за дьявольская штука случилась в проливе? – спрашивает человек в лодке, подъехав так близко, что его могли слышать с маяка. – Уж не погиб ли здесь весь английский флот или что-нибудь в этом роде?

– Тут ничего не случилось, – отвечает Доузе, сидя на платформе вблизи маяка и внимательно следя за исполосованной приливом водой, которую он всегда ненавидел, особенно по утрам. – Оставьте меня в покое, и я вас не трону. Идите кругом через Омбейский пролив и не портьте мне воду. Вы делаете её всю полосатой. – И, говоря это, он ловит себя на мысленном обращении к самому себе: «Ну, это уж глупо, это просто глупо». – И все время он цепляется за край платформы, чтобы волны прилива не унесли его с собой.

Кто-то из лодки ласково и спокойно говорит ему:

– Мы обойдём кругом через Омбейский пролив, если вы пойдёте с нами, поговорите с нашим капитаном и укажете ему путь.

Доузе был очень польщён этим и тотчас же вскочил в шлюпку, не обращая внимания на Чаллонга. Но Чаллонг поплыл вслед за лодкой к пароходу. Когда Доузе был в шлюпке, он заметил, так рассказывал он мне, что он не мог иначе разговаривать с матросами, как называя их «белыми мышами с цепочками вокруг шеи», но Богу известно, что он ни разу не видел белой мыши и даже не думал о ней с тех пор, как маленьким мальчиком держал её однажды в платочке. Он был все время абсолютно спокоен. Так подплыли они к адмиралтейскому судну; тут человек в шлюпке крикнул что-то, чего Доузе не мог разобрать, но там было одно слово, которое повторялось несколько раз: «м-а-д, мад»⁶ – и кто-то позади него произнёс что-то в этом же роде, только в обратном порядке. Таким образом, он уловил уже два слова – мад и дам⁷, и, когда он поднялся на палубу, он сказал капитану:

– Пусть я буду проклят, если я сумасшедший.

Но все время взгляд его был прикован к бухтам верёвок на кафель-нателях, и он смотрел на них не отрываясь, пока не почувствовал приятное утомление среди такелажа, который бежал наклонно, крест-накрест вниз и вверх и в самых разнообразных направлениях, но только не прямо на север или на юг, как текла вода у него под ногами. Но доски на палубе были положены именно в этом направлении, и Доузе не решался смотреть на них. Они напоминали ему полосы на

⁶ **mad** – сумасшедший (англ.).

⁷ **damn** (англ.) – единственное слово, которое знал его сожитель Чаллонг.

воде под сваями маяка.

Тут он услышал голос капитана, который очень ласково заговорил с ним, и ни за что на свете он не сумел бы сказать, почему он так с ним говорил. Он хотел рассказать капитану, что вода во Флоресовом проливе была полосатая и что пароходы ещё более бороздили её, но вместо всех слов он мог только пропеть, не сводя пристального взгляда со снастей:

Я видел корабль, отплывший,
Отплывший в море.
И, ах, он был весь полон
Хорошенькими вещами для меня.

Но тут он спохватился, что это было глупо, прервал себя и хотел сказать капитану относительно Омбейского пролива, но вместо этого он сказал:

– Капитан был утка, я не хочу этим обидеть вас, сэр, но у меня было что-то на спине, о чем я забыл.

И когда корабль начал двигаться,
Капитан говорит: «Квах, квах!»

Тут он замечает, что капитан багровеет от гнева, и говорит про себя: «Опять мой глупый язык закусил удила и понёс меня. Я лучше пойду». И он пошёл прочь от капитана и увидел своё отражение в медном ящике с компасом, и он убедился, что стоял и говорил совершенно голый перед все-

ми матросами, и, страшно огорчённый, с воём побежал прятаться на бак. Он мог по неделям ходить голым на маяке, и Чаллонг, разумеется, не заметил бы этого. Между тем Чаллонг все время плавал вокруг парохода и на забаву матросам говорил про своё «дам», надеясь, что его возьмут на пароход.

Доузе не рассказывал мне, что случилось после этого, но, по-видимому, наше наблюдательное судно спустило две шлюпки, которые подошли к бакенам Доузе. Они спустили лот для измерения глубины и, убедившись, что все в порядке, обрезали верёвки бакенов, сделанных Доузе и Чаллонгом, и пустили их по течению, которое отнесло их в пролив Лоби-Тоби, а голландская канонерка отправила двух людей на берег, чтобы они остались на маяке и последили за ним. Английское же судно ушло прочь, увозя с собой Доузе и предоставив Чаллонгу плыть за ними с криками «дам-дам», при этом он высовывался из воды и складывал вместе свои перепончатые руки. Через пять минут он стал отставать и, вероятно, вернулся назад, на маяк Вурли. Не так-то легко утопить Оранг-Лорда даже во время прилива во Флоресовом проливе.

Доузе встретился со мной, когда он прибыл в Англию на адмиралтейском наблюдательном судне, проведя на нем более шести месяцев и избавившись от своих полос благодаря тому, что он усиленно работал и избегал смотреть через борт на воду. Он рассказал мне то, что я сейчас рассказал вам, сэр, и казался очень сконфуженным своим поведением; но

больше всего его мучило беспокойство о том, не отправили ли они своими бакенами и огнями кого-нибудь на дно моря. Он неоднократно говорил об этом со мной и с каждым разом все больше убеждался, что что-то такое должно было случиться в проливе по его вине. Я думаю, что эта мысль угнетала его, потому что однажды я встретил его во Фраттоне в красном джерси, молящимся перед Армией Спасения, которая представила его в своих отчётах как обращённого пирата. От него они узнали, что он совершил какое-то преступление в глубоких морях, – вот все, что он сказал мне, а о пиратстве они знали только одно, что им не занимается теперь никто, кроме китайцев.

Я говорю ему: «Доузе, не будь глупцом. Сними своё джерси и пойдём-ка со мной». А он говорит: «Фенвик, я должен спасти свою душу, потому что я уверен, что я убил во Флоресовом проливе больше людей, чем их погибло при Трафальгаре». Я говорю: «Человеку, который воображает, что он видел, как флоты всего мира выстроились кольцом, чтобы смотреть на его дурацкие фальшивые бакены (я именно так и сказал), не подобает иметь душу, а если бы он имел её, то не мог бы убить и муху. Джон Доузе, ты был тогда сумасшедшим, но теперь ты ещё более похож на сумасшедшего. Сними это джерси!»

Он снял его и пошёл со мной, но никогда он не избавился от подозрения, что он потопил несколько судов из-за своих глупых затей во Флоресовом проливе, а теперь он служит

перевозчиком между Портсмутом и Госпортом, где течения пересекают друг друга, и вы не можете сделать и десяти ударов веслом кряду в одном направлении.

– Как, однако, поздно! Взгляните!

Фенвик встал со стула, подошёл к огню, дотронулся до чего-то, что зазвенело, и яркое сияние погасло с такой быстротой, от которой стало больно глазам. День наступил, и канал не нуждался больше в маяке св. Цецилии. Морской туман разорванными клочьями медленно сползал с утёсов, а солнце поднималось, и мёртвое море сделалось живым и прекрасным. Утренняя тишина располагала нас к молчанию, пока мы стояли на балконе маяка. С утёсов, расположенных позади св. Цецилии, слетел жаворонок, и до нас донёсся запах коров, которые паслись внизу на пастбище.

И каждый из нас мог свободно возблагодарить Бога за новый день чистой и здоровой жизни.